

Прагма-семантический анализ эмотивных значений модальных предикатов с глаголом *can (could)*

Айвазова Валерия Вячеславовна

студент

Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, Сургут, Россия

E-mail: valeriya_aivazov@mail.ru

Описанию модальных единиц (модальных глаголов, слов, вводных слов и выражений) посвящено множество работ, как отечественных, так и зарубежных, в результате обзора которых мы пришли к выводу, что эмотивная семантика модальных предикатов недостаточно полно изучена. Многие издания как научного, так и учебного характера, не выделяют отдельных значений, соотносимых с описанием эмоционального характера говорящего, его эмоционального отношения к высказыванию и т.д.

При обращении к семантике глагола *can (could)*, авторы выделяют главным образом логические значения данного глагола, утверждая, что он используется в основном для выражения способности (*ability*) или возможности выполнения действия (*possibility*), разрешения (*permission*). Поэтому, выявление дополнительных эмотивных смыслов и значений является актуальной задачей, решение которой, в конечном счете, способствует глубокому пониманию иноязычного сообщения. Согласно статистическим данным [2], глагол *can* и его эквивалент *could* являются наиболее частотными, что также повышает актуальность исследования.

Семантика модальных глаголов находится в тесной связи с эмоциями человека. Эмотивные смыслы, составляющие семантику модального предиката, предстают в содержании различных языковых и речевых единиц в виде специализированных семантических компонентов, свойственных этим единицам. Одно и то же эмотивное значение может быть реализовано через множество лексических единиц, определяющих такое явление, как коммуникативный динамизм [1] эмотивной семантики слова.

Говоря об эмотивной функции высказывания и функции модального предиката в предложении, следует помнить, что формирование смысла высказывания осуществляется под воздействием разнородных прагматических факторов, в число которых входит коммуникативная ситуация, знания и представления говорящего об адресате, что легло в основу анализа экспериментального материала.

В ходе нашего исследования было проанализировано более тысячи страниц современной британской прозы, а также ряд видеофрагментов. Особое внимание уделялось использованию глагола *can/could* в высокоэмотивных контекстах.

В результате, были выявлены следующие устойчивые значения:

1. *Раздражение, гнев, растерянность, паника, ярость*

а) в синтаксических структурах типа “How+ *can*+ Subject+ Verb”:

But how *can* I forget it? It’s not the sort of comment you just forget;

б) использование отрицательной частицы *not* (1), использование глаголов побуждения в составе предиката (2):

(1) “His dress?” asks their mother, plainly loving it. He *can’t* get enough of this!

(2) It’s not me... you *can’t make* me...

2. *Сарказм, насмешка*

а) Использование наречий *barely, scarcely, hardly* в сочетании с глаголом *can*:

How does he, a man who *can barely* tie his own shoelaces, remember so much detail?

3. *Досада, оскорбление, обида*

She is sure she’d have seen the plate if it had been on the shelf above her; besides how *could she have smashed* it with just a turn of her head? It *cannot have been* her; they are terribly mistaken.

Подобного рода значения формируются при помощи различного рода **интенсификаторов эмоций**, к которым относятся как отдельные лексемы, так и более крупные единицы.

Наиболее частотными интенсификаторами эмоций выступили: 1) частица *not* (раздражение, гнев, растерянность, паника); 2) наречия *barely, scarcely, hardly* (сарказм); 3) вопросительные местоимения *how, what* и др. (ярость, гнев); 4) наличие глаголов побуждения (*verbs of inducement*) (страх, паника); 5) восклицательные и вопросительные предложения (раздражение, потрясение); 6) перфектный инфинитив (досада, оскорбленность, обида); 7) сослагательное наклонение (переживание). В то же время при определении характера эмотивного значения анализировался предшествующий контекст, на фоне которого реализуются все интенсифицирующие элементы и который сам способен выступать в качестве оного.

Подобное углубление в семантику модальных глаголов имеет большую дидактическую ценность, помогает наиболее широко воспринять смысл морфологической единицы.

Литература

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Издательство Воронежского университета, 1987, - 285 с.
2. Douglas Biber, Stig Johansson *Grammar of Spoken and Written English*. – Pearson Education Limited, 1999. – 514 p.

Экономические термины с точки зрения фразеологии

Антонова Елена Михайловна

преподаватель, аспирант

Смоленский гуманитарный университет, Россия

E-mail: antonushka@mail.ru

Статья в журнале «Финанс» под названием «Ошибка перевода превращает биржевые опционы в ваниль, а профессора от экономики теряются, сталкиваясь с биржевой торговлей» [3, с. 44] еще раз подтвердила мысль о том, что экономические термины метафорично-метонимического характера играют существенную роль в бизнес-коммуникации. Понимание значения таких слов необходимо не только для бизнесменов, но и для журналистов, переводчиков и простых обывателей, интересующихся сферой капиталовложений и экономики.

Почему же так сложно иметь дело с такими терминами? Да потому, что они являются фразеологизмами.

У отечественных и зарубежных ученых существует несколько подходов к классификации фразеологических единиц (ФЕ). Основными из них являются концепции В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, А.И. Смирницкого, Н.Н. Амосовой [1, с.25-33], Фернандо и Флавелла, Вайнраха и Глезера и ряда авторов-составителей «Оксфордского словаря английских идиом» [5, с.1-3].

Одним из ключевых моментов для понимания ФЕ является знание фразеологической семантики и понятия метафоры [2, с. 387][4, с. 179]. Важно отметить, что у каждого типа ФЕ имеются свои семантические особенности, например, немотивированность и мотивированность, но у них имеются и некоторые общие черты: та или иная степень переосмысления значения и фразеологической абстракции, основанные на раздельнооформленности целого и цельнооформленности частей ФЕ. В зависимости от характера переосмысления можно выделить два основных типа фразеологического переосмысления [1, с.168]: переосмысление при вторичной номинации и переосмысление при третичной номинации. Выделяют также два типа фразеологической абстракции [1, с. 184-185]: абстракция изолирующая и абстракция отождествления.

Таким образом, проведенное исследование (на базе Longman Business English Dictionary и [Campbell R. Harvey's](#) Hypertextual Finance Glossary) показало, что экономические термины метафорично-метонимического характера в полной мере можно отнести к ФЕ, а знание фразеологической семантики позволят более свободно чувствовать себя в сфере бизнес-коммуникации.

Литература

1. Кунин А.В (2005) Курс фразеологии современного английского языка. Дубна, Феникс+
2. Лакофф Дж., Джонсон М. (1990) Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. - М. - с. 387-415
3. Мальцев Олег Ошибка перевода превращает биржевые опционы в ваниль, а профессора от экономики теряются, сталкиваясь с биржевой торговлей// Финанс, №5, 2008. – с. 44
4. Bratoz Silva (2004) A comparative Study of metaphor in English and Slovene Popular Economic discourse // Journal of Language and Linguistic Studies, Vol.2, №2. – с.179-196
5. Dumitrascu Antonella Marta (2007) Patterns of Idiomaticity in English? Italian and Romanian // Journal of Language and Linguistic Studies, Vol.3, №1. – с. 1-10
6. [Campbell R. Harvey's](#) Hypertextual Finance Glossary (2007)
7. Longman Business English Dictionary (2007), Pearson Longman

Экстралингвистическая обусловленность включения новых терминов в словник общих словарей

Барсукова Елена Александровна

преподаватель, кандидат филологических наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: tbarsukova@rambler.ru

Язык науки развивается по своим законам, но в тесной связи с внешними факторами. Совершенно очевидно, что существует взаимозависимость лингвистических и экстралингвистических параметров, как в процессе формирования научного языка, так и в ходе его преобразования [Супрун, 112]. В настоящем исследовании мы исходим из предположения, что научная картина мира преимущественно универсальна [Корнилов, 12] и в незначительной степени подвержена воздействию внеязыковых факторов, и цель специального словаря состоит в адекватном представлении системы понятий определенной области знания. В большей степени экстралингвистические факторы определяют формирование словника общих толковых словарей. Особое значение при отборе терминов в общий словарь приобретает критерий частотности, позволяющий определить степень употребительности и актуальности термина [Гак, 24]. В сочетании с критерием частотности для прогнозирования устойчивости термина используется критерий нормативности.

Цель исследования состоит в анализе представления новой терминологической лексики в общих толковых словарях русского и английского языков на примере медицинской терминологии, а также оценке уровня экстралингвистической обусловленности в формировании словника. В качестве материала использована лексика, зафиксированная в англоязычных и русскоязычных источниках за последние 15 лет и представленная в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под редакцией Г. Н. Складчиковой и The Oxford Dictionary of New Words. В работе применялся метод сплошной выборки, лингвостатистический метод, а также сравнительно-сопоставительный метод обработки медицинских терминов русского и английского языков.

Анализ материала показал, что представление нового термина в общем словаре в значительной мере зависит от экстралингвистических факторов. Выделяются универсальные тематические группы терминов (напр., «новые методы лечения и диагностики», «термины, обозначающие заболевания», «термины, обозначающие новые препараты и вещества»), широко представленные и в английских, и в русских словарях ввиду их социальной актуальности. Однако больший интерес для исследования представляют категории терминов, зафиксированные лишь в одном из рассматриваемых словарей. В таких категориях терминов, как «термины, относящиеся к системе медицинского обслуживания», «термины, связанные с планированием семьи», «термины парапсихологии», «термины, функционирующие одновременно в сфере медицины и криминала» и др. национальная специфика социально значимых тем проявляется особенно четко.

Литература

1. Гак В. Г. Эволюция способов номинации в свете соотношения внешних и внутренних стимулов развития языка//Всероссийская научная конференция по теоретическим вопросам языкознания «Диалектика развития языка». М.: 1980.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: 2003.
3. Супрун А. Е. Лекции по языкознанию. Минск: 1971.
4. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия/ИЛИ РАН; под редакцией Г. Н. Складчиковой. М.: 2001.
5. The Oxford Dictionary of New Words. Oxford University Press, 1998.

Конверсия как способ образования лексики индустрии гостеприимства в английском языке

Гарифуллина Лилия Асхатовна

ассистент

Казанский филиал Российской международной академии туризма, Россия

E-mail: gar_lili@mail.ru

Настоящая работа посвящена исследованию специфического пласта лексики английского языка – «лексики индустрии гостеприимства» (в дальнейшем ЛИГ). Доклад имеет целью осветить один из способов образования этого пласта лексики, а именно конверсию. Термин «конверсия» используется в трудах большинства лингвистов для обозначения безаффиксального способа словопроизводства. По вопросу об объеме конверсии возникли определенные разногласия. Учитывая, что в процессе субстантивации, адъективации и адвербиализации производное слово приобретает новое лексико-грамматическое, категориальное значение, морфологические и синтаксические функции, а также иные дистрибутивные характеристики, мы склонны принять точку зрения целого ряда ученых (Мешков, 1976; Бортничук, 1988; Ганиев, 2004) и утверждать, что принципиального различия между конверсией и вышеназванными процессами нет.

Тем не менее, мы вынуждены признать тот факт, что не все модели конверсии одинаково активны и продуктивны в языке. Проанализированный в процессе исследования фактологический материал показывает, что наиболее продуктивным при этом способе является субстантивация. Конверсирование в разряд существительных в английском языке широко распространено среди глагольных и адъективных форм.

Образование отглагольного существительного происходит на основе одного из значений многозначного глагола общеупотребительного языка. Помимо этого, в процессе конверсии может происходить семантическое развитие слова, чаще всего за счет сужения, специализации значения. Сравним, напр., значения следующих имен существительных, произведенных от некоторых многозначных глаголов: *to skip* одно из значений *to leave a place secretly or suddenly* [Hornby, 2000, 1207] ‘покинуть место неожиданно или секретно’ → *skip* ‘клиент, покинувший отель без оплаты счета за услуги и/или проживание’ [БГТМТ, 2006: 184]; *to share* одно из значений *to have or use smth at same time as smb else* [Hornby, 2000, 1177] ‘иметь или использовать что-либо одновременно с кем-либо’ → *share* ‘клиент, гость, который соглашается подселиться в номер, где уже проживает другой клиент, например, в двухместный номер’ [БГТМТ, 2006: 184].

Отличительной чертой конверсионного словообразования в ЛИГ можно считать широкое использование именных образований типа *check-in* ‘1. процедура, происходящая при регистрации гостя в отель, 2. номер, в который только что въехали’, *stay-over* ‘номер, в котором продолжает оставаться гость’, *walk-in* ‘клиент, гость отеля, прибывший без предварительного бронирования’, *make-up* ‘подготовка номера для приема клиента’, *sell out* ‘номерной фонд в отеле, зарезервированный на определенную специальную дату’. Особенностью данных имен существительных является соотносительность с фразовыми глаголами, например, *to check in* ‘регистрировать гостя в отеле’, *to stay over* ‘продолжать оставаться в отеле’, *to make-up* ‘гримировать’, *to set up* ‘расставить мебель’ и т.д.

Данная модель заслуживает отдельного внимания. Эта формула строения существительных, состоящих из глагольной и наречной основы, образованных путем конверсии, сочетающейся со словосложением от глаголов с послелогами. Некоторые исследователи высказывают предположение, что здесь происходит словосложение, в результате чего соединяются глагольная и адвербиальная основы (Царев, 1980; Омельченко, 1981; Садыкова, 2002).

В вопросе о способе образования подобных имен мы склонны разделить точку зрения, высказываемую О.Д. Мешковым (1976), Е.Л. Бортничук (1988). Эти ученые полагают, что эта формула строения существительных, состоящих из глагольной и наречной основы,

образованных путем конверсии, сочетающейся со словосложением от глаголов с послелогами.

В образованиях данного типа в процессе конверсии наблюдается также сопутствующий процесс семантического развития слова, например, *to make up* 'гримировать' → *make-up* 'подготовка номера для приема клиента'; *to walk in* 'неожиданно появиться, нагрянуть' → *walk-in* 'клиент, гость отеля, прибывший без предварительного бронирования'. В данных примерах, на наш взгляд, при конверсионном образовании отглагольных существительных, имеющих явную смысловую связь с производящими глагольными образованиями, происходит определенный семантический сдвиг значений исходных слов за счет метафоризации.

Достаточно распространенным в ЛИГ английского языка является процесс субстантивации прилагательных. Значительная часть субстантивированных прилагательных образуется с участием эллипсиса, т.е. субстантивированное прилагательное употребляется вместо словосочетания, состоящего из прилагательного и определяемого им существительного. При этом возможно параллельное функционирование конверсионного существительного и исходного словосочетания. Например: *studio* от *studio room* 'комната в отеле, оборудованная диваном, который на ночь раскладывается как кровать', *first-class* от *first-class hotel* 'первоклассный отель', *king-size* от *king-size bed* 'кровать королевского размера', *bridal* от *bridal room* 'номер в отеле, приготовленный специально для молодоженов'. Существительное *extras* от *extra charge* 'оплата за дополнительные услуги, не входящие в турпакет' употребляются только в форме множественного числа, что позволило некоторым исследователям говорить о частичной субстантивации (Бортничук и др., 1988).

Модель перехода существительного в глагол является непродуктивной, отмечены единичные случаи отыменных глаголов, например, *room* 'комната, номер в отеле' → *to room* '1) размещать, 2) при размещении сопровождать клиентов до выделенного номера, показать номер и оборудование, объяснить правила пользования приборами'.

Проведенное исследование показало, что отличительной особенностью конверсионного способа словообразования в ЛИГ английского языка являются сопутствующие ей дополнительные процессы семантического развития слова.

Литература

- 1) Большой глоссарий терминов международного туризма = The Great glossary of terms for the international tourism / М.Б. Биржакова, В.И. Никифорова. – СПб.: «Издательский Дом Герда», 2006. – 936с.
- 2) Бортничук Е.Н. Словообразование в современном английском языке / Е.Н. Бортничук, И.В. Василенко, Л.П. Пастушенко. – Киев: Вища школа. – 1988. – 354с.
- 3) Ганиев Ф.А. Современный татарский литературный язык: Словообразование по конверсии. / Ф.А. Ганиев - Казань: Издательство «Дом печати», 2004. - 160 с.
- 4) Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка / О.Д.Мешков. – М., 1976. - 248 с.
- 5) Омельченко Л.Ф. Продуктивные типы сложных слов в современном английском языке. / Л.Ф.Омельченко. – Киев: Вища школа. – 1981. – 144 с.
- 6) Садыкова А.Г. Система субстантивного сложения в тюркских и германских языках в сравнительно-типологическом аспекте: дис. ...докт. фил. наук / А.Г.Садыкова.- Казан. гос. пед. ун-т.-Казань: Центр инновац. технологий, 2002.
- 7) Царев П.В. Сложные слова в английском языке. / П.В.Царев. – М., 1980. – 127 с.
- 8) Hornby A.S. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English.-Oxford University Press , 2000.- 1540p.

Эволюция гиперо-гипонимических отношений «Единица информации» в семантическом поле «News»

Коротина Александра Николаевна

студентка

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

E-mail: alexa201187@yandex.ru

Для науки представляет интерес исследование эволюции мышления человека на базе языкового материала, являющегося результатом осмысления человечеством предметов и явлений объективной действительности. Семантические изменения соответствуют определенным этапам человеческого развития. Фактическим материалом данного исследования является комплекс лексем, объединенных интегральным признаком «единица информации» (Roget, 1980, p. 224). Выбор семантического материала оправдан интенсивностью процесса межкультурной коммуникации, характеризующегося актуализацией информационной сферы деятельности современного человека. Одним из источников данного диахронического исследования является английский толковый словарь Oxford English Dictionary, позволяющий проследить эволюцию психофизиологических особенностей человека.

В лингвистике выделяют внутреннюю и внешнюю гипонимию. Система значений одной лексемы рассматривается в пределах внутренней гипонимии. Сохранение инвариантного семантического признака и присоединение дифференцированного представляет собой исторический процесс специализации значения. Синкретическое значение, не дифференцирующее группу денотатов и свойственное ранней лексеме, конкретизируется в результате развития объективной действительности. Расплывчатые представления возникали в мышлении древнего человека, не актуализирующего определенные признаки денотатов и воспринимавшего их как единое целое. Выявление дополнительных признаков, свойственных более поздним представлениям, связано с усложнением психофизиологических способностей человека в процессе эволюции. Так, в Средние века начинают формироваться представления, которым характерны новые признаки. К примеру, от значения лексемы *report rumour, common talk/молва, общий разговор* образовалось значение *commendation of a person/хвала человека* на основании дополнительного дифференцированного признака «качество».

Формирование теоретической базы научных знаний доказывает процесс становления нового типа человеческого мышления, характеризующегося формированием специальных понятий, т.е. терминов. Особенностью специальных понятий является сфера их использования. Так, значение *message an oral or written communication sent from one person to another/информация в устной или письменной форме, переданная от одного человека другому* становится родовым понятием двух терминологических систем: «религия» (*tidings sent by God/вести, посланные Богом*) и «политика» (*the Presidential address transmitted to Congress/послание президента Конгрессу*).

Диахронический анализ семантического материала позволил выделить два направления гипонимических трансформаций. Доминантным видом преобразований является семантическая модификация *род*→*вид*. К примеру, в *information*, родовое понятие *knowledge communicated concerning some particular fact, subject or event/знания, касающиеся какого-то факта, предмета или события* было замещено видовым *a complaint or charge against a person lodged with or presented to a court or magistrate/жалоба или обвинение человека, хранящееся или представленное в суде* в связи с идентификацией данного знания с определенной сферой использования. В исследовании также была зафиксирована обратная гипонимия типа *вид*→*род*, которая эксплицирует процесс перехода понятия из терминологической системы в бытовую. Так, широко распространенная практика обращения к лекарям позволила генерализировать понятие лексемы *advice* от *medical or legal counsel/медицинский или юридический совет* до *information given, notice/данная информация, замечание*, не типичного для терминологических систем XV в.

В структуре внутренней гипонимии наиболее распространенным является гомогенный тип связи, характеризующийся разветвленным характером подчинительной связи. От word произошли следующие значения типа *a promise/обещание, something said on behalf of another/что-то сказанное по поводу поведения кого-то, report in praise of a person/хвала кого-то* и т.д. Иерархический тип связи характеризуется тем, что первое значение лексической единицы является основой для семантического производства второго, а второе – для возникновения третьего и т.д. (род→(вид→род)→вид). Видовое понятие *the word of God/слово Бога*, являющееся результатом специализации синкретического представления *something said/что-то сказанное*, в X в. получило статус родового по отношению к *a divine communication, command/религиозная информация, команда*.

Внешняя гипонимия рассматривает гипер-гипонимические отношения (ГГО) между лексемами. Особенностью ГГО исследуемого семантического поля является отсутствие на начальном этапе внешних родо-видовых связей. Первое значение «единица информации» возникло в пределах word и явилось источником формирования внутренних гипонимических связей от *something said/что-то сказанное* к *common report or statement/общий доклад или утверждение, tidings, news/вести, новости* и т.д. Впервые внешняя гипонимия была зарегистрирована в 890 году с появлением в английском словнике новой лексемы errand со значением *a message*. Более активный процесс развития ГГО был зарегистрирован в XIII-XVI вв. и привел к снижению интенсивности их формирования в современный период. Гипер-гипонимический ряд (ГГР) «единица информации» окончательно сформировался к середине XIX в. с появлением telegram в значении *a message sent by telegram/сообщение, посланное посредством телеграфа*. Дальнейшее развитие исследуемых ГГО повторяет начальный период формирования ГГР «единица информации», т.е. на первый план выходит внутренняя гипонимия.

Доминантным видом гипонимических трансформаций является семантическая модификация *род→вид*. Незначительный уровень гипонимии типа гипоним→гипероним свидетельствует о прогрессивном развитии мышления человека. Было выявлено, что наиболее распространенным является гомогенный тип связи. В системе значений лексем возможно развитие гипонимии, которая в диахронии повторяет эволюцию мышления человека в филогенезе. Гиперонимы идентифицируются с синкретическими понятиями, свойственными древнему человеку, в то время как видовые понятия, представляющие собой термины, свойственны научному типу мышления человека.

Литература

1. Банина Н.В., Шеремет Л.Г. (1984) Гипонимия как отражение системности в лексике // Слово в парадигматике и синтагматике. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, стр. 33-38.
2. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г. Основы антрополингвистики (к лексическим основаниям эволюции мышления человека): Учеб. пособие, М.: Компания Спутник+, 2005 г., 113 с.
3. Дяченко Л.Д. (1976) Гипонимия в системе английского глагола. Авт. кфн. М.: МГПИИЯ им М. Тореца, 26с.
4. Roget P. M. Roget's thesaurus of synonyms and antonyms. London: Everyday Dalley Press, 1980, p. 224.
5. Oxford English Dictionary/prepared by J.A. Simpson and E.S.C. Weiner. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Сциентическая функция как одна из основных определяющих характеристик термина

Лату Максим Николаевич

аспирант, ассистент кафедры западноевропейских языков и культур
Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорск, Россия
E-mail: Laatuu@yandex.ru

Вопрос о наличии у терминов особых характеристик и функций на настоящий момент остается открытым. Так, терминам присваивают *номинативную* (Г.О. Винокур и др.), *дефинирующую* (В.В. Виноградов, В.П. Даниленко и др.), а также *сигнификативную*, *коммуникативную* и *прагматическую* функции (В.М. Лейчик). Тем не менее, данные функции присущи и другим единицам языка и не показывают специфики функциональной направленности термина. Проведенный нами анализ терминосистемы англоязычной военно-исторической терминологии, позволил нам сделать выводы о наличии у терминов *уникальной функции*, характерной лишь для данного типа специализированной лексики.

Мнение, высказываемое В.М. Лейчиком, относительно логической производности терминов от слов общеупотребительной лексики, представляются нам вполне правомерными. Однако мы считаем, что именно данная ситуация производности и создает определенную надстройку над единицами общей лексики. Таким образом, наличие у терминов специфической функции выделяет их из остального состава единиц языка. Основываясь на высказывании Г.О. Винокура, можно заключить, что в роли термина способно выступать любое слово в особой функции, однако предлагаемые номинативная и дефинирующая функции не являются таковой терминообразующей надстройкой, поскольку не раскрывают сути функциональной направленности терминов и присутствуют у других единиц языка.

Мы считаем, что специфика лингвистического статуса терминологической лексики заключается именно в функциональной направленности термина. Постараемся определить суть этой направленности.

Выводы В.М. Лейчика о том, что термины обладают всеми семантическими и формальными признаками слов естественного языка (Лейчик, 2006), позволяют нам заключить, что термин занимает определенное место в классификации лексических единиц языка. Это происходит именно за счет интенциональности термина, стремления быть использованным в определенных целях и ситуации, контексте. Под функциональной направленностью мы понимаем ориентацию каждого термина на определенную научную сферу использования. Такую направленность можно также определить как *сциентическую* функцию, которая заключается в восприятии и использовании терминологической лексики как вербализующей фрагменты конкретной стройной научной системы более чем двумя людьми. Отсюда заключаем, что статус термина не может присваиваться слову мнением одного человека, но всегда одобрен мнением всех сторон, его использующих в процессе коммуникации. Данный вывод еще раз подчеркивает отличие терминов от профессионализмов, не являющихся общепризнанными единицами для обозначения научного понятия в рамках определенной научной системы. Отдельный человек не увидит в новом слове научный термин, пока тот не будет встроен в систему его *научной* картины мира.

Таким образом, понимание термина лежит не вовне, а внутри каждого человека, определяется его способностью разглядеть в нем вербализатор стройной и слаженной системы, в которой элементы неразрывно объединены структурными связями. Системно-структурные связи, отражающие специфику ментальной сферы, присутствуют и в сфере вербализации. Например: термин **air-to-ground missile** – «реактивный снаряд воздух-земля» логически и семантически связан со своим гиперонимом **missile** и гипонимами **maverick**, **walleye (AGM-62X A)** и т.д., а также другими терминологическими единицами, связанными логико-семантическими отношениями с данным гиперонимом: **air-to-air missile**, **ground-to-ground missile**. Таким образом, значение каждого термина неизбежно включает

(подразумевает) *присутствие других составляющих терминосистемы*, а также, ввиду наличия у терминов сциентической функции, определяет потребность использования термина, в первую очередь, в научных целях.

Приведенные выше выводы позволяют нам говорить о некоторой контекстуальности терминов. В этой связи можно утверждать, что контекст либо присутствует, либо подразумевается. Так, в термине **contour fighter** – «штурмовой самолет» вербализуется понятие сферы истребительной авиации, для которой характерны определенный набор боевого оснащения и уникальные функции, что все вместе также составляет определенное количество научных понятий, выражаемых терминами, принадлежащими данной терминосистеме.

Каждый читатель научного текста составляет свою собственную терминосистему на основе разбиения научного знания на ячейки. Суть каждой заключается в том, что она представляет новый этап когнитивной деятельности человека и создает условия для дальнейшего приращения знания.

Литература

- 1.Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению. – Т. 5. - М., 1939.
- 2.Даниленко В.П. Терминология современного языка науки // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. – Владивосток, 1987.- С. 61-66.
- 3.Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. - 2-изд. - М., 2006.
- 4.Петрова И.Л. О некоторых особых условиях функционирования терминов // Термины в языке и речи: Сб. научных трудов. – Горький, 1987.
- 5.Федотова Е.А. К вопросу о когнитивной карте науки. Языки профессиональной коммуникации. - Челябинск, 2007. – с. 78-80.

Виды эквивалентов в анималистической компаративной фразеологии (на материале английского, немецкого, норвежского языков)

Любова Анна Николаевна

аспирант

Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

E-mail: comparat@atnet.ru

Анималистическая компаративная фразеология играет важную роль в любом языке, так как человек еще с древних времен сравнивал себя с животными, тем самым характеризовал себя с положительной и отрицательной сторон.

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом были предметом изучения многих исследователей. Фаунистическая тематика непосредственно связана с важнейшими аспектами лингвистики, прежде всего, номинации и метафорических значений слов. Являясь экстралингвистической базой лексикологического анализа, фауна находит, таким образом, свое специфическое отражение в языке, формируя его фаунистическую (зоосемическую) лексическую подсистему [Таукова 2004: 1].

Наша работа посвящена сопоставительному исследованию семантики адекватных компаративизмов английского, немецкого и норвежского языков.

Занимаясь исследованием фразеологизмов, обладающих структурной организацией типа *as + adj + as + N* в английском языке, *adjektiv + wie + substantiv* в немецком языке, *adjektiv + som + substantiv* в норвежском языке приходим к выводу, что в качестве объекта сравнения в указанных компаративизмах выступают имена существительные обозначающие представителей фауны.

Большая часть исследуемых адекватных компаративизмов являются **полными семантическими эквивалентами**, у которых совпадает как объем значения, так и выбор лексических средств (образность): англ. *as slippery as an eel* – нем. *glatt wie ein Aal* – норвеж. *glatt som en ål* – рус. *скользкий как угорь* ‘увертливый, изворотливый человек’.

Объективно национальное находит отражение в различной экспликации того или иного отрезка действительности средствами двух типологически различных языков [Солодухо 1989:82]. Такую группу составляют фразеологизмы, имеющие **лексические и семантические расхождения**: англ. *as gentle as a dove* (*кроткий как голубь*) – нем. *ohne Falsch wie die Tauben* (чисты как голуби) – норвеж. *from som en due* (*кроткий как голубь*). Лексическо-семантические расхождения часто объясняются экстралингвистическими причинами: особенностями образа жизни людей данных стран, их традициями, спецификой быта.

В оппозиции к первой и второй группам адекватных компаративизмов находится третья группа **уникальных фразеологизмов**, которые не имеют эквивалентов в других исследуемых нами языках, например в англ. *as sick as a dog* (досл. больной как собака) ‘больной, испытывающий чувство тошноты’; в немец. *fett (feist) wie ein Dachs* (досл. жирный как барсук) ‘жирный, тучный’, в норвеж.: *dum som ei ku* (досл. глупая как корова) ‘дура душой’.

Итак, изучение семантической структуры адекватных компаративных фразеологических единиц в трех германских и русском языках позволяет сгруппировать их в три группы: полные эквиваленты, частичные эквиваленты и безэквивалентные АКФЕ.

Литература

1.Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп). – Казань: КГУ, 1989

2.Таукова Э.Л. Сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и английского языков в функционально-параметрическом отображении (на материале анималистической фразеологии): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2004. – 15 с.

Словообразовательные гнезда и семантика производных слов концепта «красота» в русском и английском языках

Окунева Ирина Олеговна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sesh777@yandex.ru

Введение

Словообразование является одним из способов обогащения словарного состава языка и, следовательно, оказывает влияние на его лексическую семантику и отражает связь языка с мышлением. Т.И. Вендина отмечает, что именно «в словообразовании, с его ярко выраженной целевой установкой на языковое созидание, антропоцентричность языка, его национально-культурная специфика проявляется особенно отчетливо» [2]. На сегодняшний день накоплен достаточный теоретический [1] [3] и практический [4] [5] материал для проведения более частных исследований в области словообразовательной семантики. Однако в современных семантических и концептуальных исследованиях больше внимания уделяется описанию лексической семантики и синтагматики, а словообразовательные значения рассматриваются нечасто.

Этапы и результаты

Под словообразовательным гнездом мы понимаем совокупность слов, упорядоченных отношениями производности и характеризующихся общностью корня [4: 36]. Изучение словообразовательных гнезд лексики в рамках концепта «красота» в русском и английском языках дает возможность выявить обобщенные, категориальные значения [3: 31] и тем самым наметить некоторые когнитивные модели, лежащие в основе исследуемого концепта на словообразовательном уровне в обоих языках.

Словообразовательное ядро концепта «красота» образовано корневой морфемой имени концепта и ее дериватами. Приведем пример номинативного словообразования: *краса* – *красавец* / *красавица* – *раскрасавец* / *раскрасавица*, *красотка* – *красоточка* / *красавчик*. В русском языке лексика в пределах одного словообразовательного гнезда, служащая для обозначения красивого человека, различается следующими категориальными признаками: 1) гендерная отнесенность, 2) стилистическая окрашенность (нейтральный, традиционно-поэтический, сниженный и др. стили), 3) субъективная оценка. Примером конструктивного словообразования является: *красивый* – *красивое* (в знач. *сущ.*) – *красивость* – *красота*. От основы прилагательного *красивый* образуется субстантивированное прилагательное *красивое*, имя признака *красивость* (с помощью суффикса *-ость*, являющегося наиболее продуктивным в современном русском языке по сравнению с такими суффиксами как *-изм*, *-ство*, *-ск-*, *-ов-*), а также имя концепта *красота*, образованное путем «категориальной транспозиции» [3: 35] (перехода) **признака** в **субстанцию** в процессе замены суффикса, повлекшего за собой изменение части речи. Лексема *красивость* приобрела значение чисто внешней красоты, т.е. значение **состояния** по прилагательному *красивый* (напр., *однообразная красивость войск на параде*), а существительное *красота* объединила в своей семантике **свойство** по значению прилагательного *красивый* и стала обозначать красоту внутреннюю и внешнюю.

В английском языке выделяются следующие словообразовательные гнезда: *beauty* – *beautiful* – *beauteous* (*poetic*) – *the beautiful* – *beautiffulness* – *beautydom* – *beautyship*; *beauty* – *beautify* – *beautifier* – *beautifician*. Грамматический строй английского языка не требует обязательного морфологического показателя рода каждого слова, поэтому эта категория в английской лексике проявляется нечасто. В представленных цепочках в словообразовательной семантике данная оппозиция отсутствует, однако сохраняется в лексической семантике при сопоставлении соответствующих синонимов. Средства субъективной оценки в английском языке представлены не на уровне морфем, а на уровне лексики (например, *little* в сочетании с именем существительным). Категория стилистической окрашенности в английском языке также представлена несколько меньше, чем в русском. В оппозиции *beautiful* – *beauteous* последнее прилагательное употребляется либо в поэтической

речи, либо в иронических контекстах и обозначает оценку внешнего проявления красоты. Лексема *beautiful* несет в себе не только рациональную оценку внешнего образа, но и выражает эмоциональное отношение восхищения и удовольствия на уровне чувств и ощущений [6]. **Свойство** по значению прилагательного *beautiful* передается суффиксом *-ness*, который добавляется к основе (*beautiffulness*). **Собирательность** в английском языке передается суффиксами: *-dom* (*beautydom*) и *-ship* (*beautyship*), **общность качеств**, формирующих красоту, выражается субстантивированным прилагательным *the beautiful*. От глагола *to beautify* образовано два существительных *a beautifier* и *a beautifician*. Разница между ними заключается в том, что *a beautifier* обозначает абстрактного деятеля: «he who, or that which, makes beautiful»: *There is no beautifier like happiness* (Miss Muloch) [6]. Напротив, лексема *a beautifician* обладает достаточно конкретным, более узким значением – косметолог: «cosmetician, someone who works in a beauty parlor» [6].

Таким образом, в английском языке проявляются категориальные значения, отсутствующие или слабо выраженные в словообразовании русского языка в рамках концепта «красота», а именно, собирательность, характеристика деятеля (абстрактное понятие или конкретное лицо), способ оценки (рациональная или эмоциональная). Особенностью русского словообразования является широкий выбор средств выражения разного рода субъективной оценки, а также стремление разграничить на уровне языкового сознания разную степень близости человеку того или иного качества, в данном случае красоты: только как состояния, которое со временем может измениться, или как уже закрепившегося свойства личности.

При описании периферии концептуального поля в ряде случаев целесообразно обращаться к словообразовательным связям лексики. Исследование соотношения мотивированных и мотивирующих слов дало возможность:

– установить отражение в мотивированном слове всех или части значений мотивирующего (*цвет – цвести – цветущий; to ravish – a ravisher*);

– проследить развитие переносного значения мотивированного слова на основе переносных или прямых значений мотивирующего (*царь – царственный* (перен.); *to stun – a stunner; to knock out – a knockout*);

– выявить компоненты значения мотивирующего слова, не входящие в значение мотивированного, но относящиеся к области семантических ассоциаций, т.е. установить источник семантической ассоциации (*молодой – (молодец) – молодецкий – молодецкый; плен – пленить* (перен.) – *пленительный* (перен.) – *пленительность* (перен.); *малина – малиновый* (о губах); *to dash – dashing; a hazel – hazel (eyes), a cherry – cherry (lips)*);

– выявить паронимы, проследить их семантические различия и установить их роль в рамках исследуемого концептуального поля (*поэтический – поэтичный, царский – царственный, эстетический – эстетичный; beauty – beatitude; beau – beauty*).

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., М., 1995, 472 с.
Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, 200с.
Улукханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания: 3-е изд. стер. М., 2004, 256 с.
2. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002, С.8.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность: 2-е изд. стер., М., 2005, 224 с.
4. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: Т. 1, М., 1985, 856 с.
5. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004, 1022с.
6. The Oxford English Dictionary Edited by James A.H.Murray, 1933, P. 744.

Изучение семантики немецких идиом с помощью корпусного анализа

Парина Ирина Сергеевна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: parinai@yandex.ru

В данной работе рассматриваются особенности семантики идиом, которые могут быть выявлены посредством анализа текстовых корпусов и заслуживают отражения в словарном толковании. Материалом для исследования послужили немецкие идиомы семантического поля «речевая деятельность». По мнению Д.О. Добровольского, к семантическому полю «речевая деятельность» следует относить те идиомы, ядро значения которых связано с речевыми высказываниями, их авторами или получателями [1, 138]. Иными словами, компонент «речевое высказывание» обязательно присутствует в перифразе их значения.

На предварительном этапе исследования методом сплошной выборки из одноязычных и двуязычных словарей, таких, как [2] и [3], в соответствии с названным критерием отбираются немецкие идиомы, которые могут быть отнесены к семантическому полю «речевая деятельность».

Следующий – и основной – этап исследования проводится на основе корпусов текстов. Корпусы представляют собой базы данных, состоящие из текстов различного характера, в основном, публицистических и художественных. В исследовании используется корпус Института немецкого языка (IDS) в г. Мангейм (<http://www.ids-mannheim.de/kt/projekte/korpora>), который содержит около 2 миллиардов словоформ и является крупнейшим для немецкого языка, а также корпус DWDS (www.dwds.de), насчитывающий около 1,2 миллиарда словоформ.

С помощью специальных программ в корпусах осуществляется поиск контекстов, в которых встречается то или иное слово или сочетание слов. Анализ случаев употребления идиом позволяет получать разнообразную информацию об их текстовом «поведении» и сравнивать их между собой.

Корпусный анализ предоставляет нам статистические данные об употребительности идиом и их вариантов. Так, мы можем утверждать, что из вариантов идиомы, означающей высказывание кому-либо критики в лицо, - *jmdm. die Meinung sagen* и *jmdm. die Meinung geigen* - первый вариант более распространен, поскольку в корпусе IDS он встречается в 5 раз чаще, чем второй. В принципе, этот результат достаточно предсказуем, поскольку вариант *jmdm. die Meinung geigen* стилистически маркирован как фамильярный [2] и, следовательно, сфера его употребления ограничена. Но различия в употребительности вариантов идиом или близких по значению идиом не всегда очевидны и зафиксированы в словарях. Так, идиомы *sich um Kopf und Kragen reden* и *sich um seinen Hals reden*, согласно словарю Дуден [2], стилистически нейтральны. Обе они означают, что субъект подвергает себя серьезному риску, неосторожно высказываясь. Однако в корпусе IDS представлены 43 случая употребления первой идиомы и нет ни одного контекста со второй. Мы не вправе утверждать, что идиома *sich um seinen Hals reden* вообще не используется в речи, но, несомненно, она менее распространена, чем ее квазисиноним *sich um Kopf und Kragen reden*.

Более тщательное изучение контекстов, содержащих ту или иную идиому, позволяет проследить, применительно к каким ситуациям (формальным или неформальным) она чаще всего употребляется, с какими словами сочетается (например, если идиома выступает в функции сказуемого, – какие наречия допустимы в качестве обстоятельств), возможны ли синтаксические изменения (пассивизация, введение отрицания в структуру идиомы). Сопоставляя контексты с близкими по значению идиомами, мы можем определить, чем они отличаются друг от друга, и выявить оттенки значения, не нашедшие до сих пор отражения в словарях.

Например, стилистически нейтральный вариант упомянутой выше идиомы *jmdm. die Meinung sagen* (дословно «высказать кому-либо мнение») обозначает, чаще всего критику, направленную не на то, чтобы обидеть человека, а на то, чтобы побудить его скорректировать

свое поведение. Поскольку такая критика конструктивна, то в целом действие, обозначаемое данной идиомой, оценивается положительно.

Уже из словарного толкования идиомы *jmdm. den Kopf waschen* (в швейцарском варианте *jmdm die Kappe waschen*): 'jmdm. gründlich die Meinung sagen, jmdn. scharf zurechtweisen' [2] - «основательно высказать кому-либо мнение, резко раскритиковать кого-либо» - становится понятно, что она означает более жесткую критику, чем идиома *jmdm. die Meinung sagen*. Однако корпусный анализ позволяет установить, что эти идиомы различаются не только по степени интенсивности обозначаемого действия.

Во-первых, *jmdm. den Kopf/die Kappe waschen* в контекстах, связанных со спортом, приобретает еще одно значение – обыграть команду противника с огромным преимуществом, «здать жару» другой команде. Появление дополнительного значения, вероятно, связано со внутренней формой идиомы, допускающей различные трактовки – «намыть кому-либо голову», или «устроить головомойку», может означать как вербальное, так и невербальное действие.

Во-вторых, идиома *jmdm. den Kopf/die Kappe waschen* в своем основном значении употребляется в контекстах, где субъект действия рангом выше или в том же статусе, что и объект действия – например, начальник критикует подчиненного, тренер - игроков. Идиома *jmdm. die Meinung sagen/geigen* используется в контекстах, где субъект или объект примерно равны по статусу – но также и в контекстах, где субъект ниже статусом (например, избиратель выражает свое недовольство политической партией). По-видимому, эта особенность также объясняется внутренней формой идиом, поскольку «высказать кому-либо мнение» (или, в фамильярном варианте, «сыграть кому-либо мнение на скрипке») - более нейтральная формулировка, чем «устроить головомойку».

При изучении контекстов становится заметным еще одно различие между идиомами. Обе идиомы в функции сказуемого нередко сопровождаются наречием – обстоятельством образа действия. Однако, если обстоятельство при сказуемом, выраженном идиомой *jmdm. den Kopf/die Kappe waschen*, может означать лишь интенсивность действия (*gründlich, ordentlich, kräftig, gehörig, richtig, tüchtig* и т.д.), то *jmdm. die Meinung sagen/geigen* в функции сказуемого нередко сопровождается обстоятельством, обозначающим образ действия в более широком смысле: *unter vier Augen, persönlich, öffentlich, direkt, unverblümt, ehrlich, ungeschminkt*.

Таким образом, сравнение случаев употребления близких по значению идиом, позволяет выявлять тонкие семантические различия между ними, которые накладывают ограничения на «взаимозаменяемость» этих идиом в речи и, соответственно, требуют отражения в словарном толковании. Кроме того, с учетом полученной с помощью корпусного анализа информации о семантике идиом для них могут быть подобраны соответствия в другом языке, зачастую более адекватные, чем те, которые даны в существующих двуязычных словарях. Результаты исследования значимы и для теоретического изучения фразеологии – например, для выявления возможной взаимосвязи между внутренней формой идиом и возможностью их синтаксической трансформации.

Литература

1. Dobrovolskij D. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Tübingen, 1995, 272 S.
2. Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim u. a., 2002, 955 S.
3. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975, 656с.

Средства репрезентации концепта «loneliness» («одиночество») в английском языке

Перькова Светлана Анатольевна

студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: Svetaper@yandex.ru

Введение

В лингвистической литературе одно из приоритетных мест занимает изучение проблем отражения в языке эмоционального состояния индивида. Постоянно изменяющийся окружающий мир стимулирует сознание человека активно отражать объекты действительности, которые, трансформируясь, вызывают у него те или иные эмоциональные переживания. Чувства выполняют в жизни человека, в его общении с окружающими мотивирующую роль, они всегда связаны с работой сознания, могут произвольно регулироваться. В отношении окружающего мира человек стремится действовать так, чтобы либо подкрепить и усилить свои положительные чувства, либо избежать отрицательных. Поэтому исследование концептов в рамках когнитивной семантики является одним из важнейших и наиболее перспективных направлений развития современной лингвистики [2].

Чувства, в частности одиночество, носят исторический характер. Одиночество, в той или иной форме, характерно для всех типов исторических сообществ, но его наибольшее распространение и наиболее ярко выраженное негативное воздействие отмечается представителями различных наук именно в современном обществе [2]. Одиночество как значимый социокультурный и психологический феномен находит активное воплощение в семантике языка, однако средства репрезентации концепта «одиночество» в английском языке еще недостаточно изучены. Научная новизна данной работы состоит в том, что были определены характеристики концепта «loneliness» («одиночество») в английском языковом сознании применительно к его лексико-фразеологическому обозначению и выражению в разных типах текста.

Методы

При проведении данного исследования были использованы несколько частнонаучных методов: метод компонентного анализа на основе словарных дефиниций, контекстуальный анализ, этимологический анализ, интерпретативный анализ, метод сплошной выборки и прием количественного подсчета.

Вышеперечисленные методы концептуального анализа предполагают исследование всех доступных языковых средств репрезентации анализируемого концепта в системе языка и в речи.

Результаты

В рамках данного исследования был проведен комплексный анализ средств репрезентации изучаемого концепта в рамках лингвокультурологии. Были проанализированы и описаны особенности выражения концепта в отдельных лексемах с компонентом «Loneliness», в английских прецедентных текстах, в английской художественной литературе (на примере средств репрезентации концепта в романе Д.Дефо «Робинзон Крузо»), в материалах англоязычных сайт-форумов.

Анализ лексикографических источников показал, что концепт «Loneliness» является предметом детального рассмотрения в английской лексикографии. Анализ этимологических данных, отраженных в лексикографии, показал наличие недостаточно полных сведений о происхождении слов, номинирующих английский концепт «Одиночество» - известно лишь о происхождении лексем *solitude*, *privacy*, *detachment*, *separateness* и *quarantine*. В английских лексикографических источниках синонимический ряд имени концепта состоит из 31 лексемы. В результате анализа словарных дефиниций лексем, входящих в состав этого синонимического ряда, были

выявлены следующие содержательные признаки, формирующие когнитивную структуру одиночества: родовые семы (состояние личности, место, ситуация, чувство, действие), являющиеся сигналом принадлежности слова к определенной денотативной сфере; видовые

семь: каузативная сема, сема «отрицательная знаковость», сема «положительная знаковость», сема «субъект». Семантические признаки «состояние» и «каузативная сема» составляют понятийное ядро концепта.

В результате анализа средств выражения концепта «Loneliness» («Одиночество») в речи участников англоязычных сайт-форумов было установлено, что самой частотной по употреблению в речи участников англоязычных сайт-форумов является патологическая метафора. Далее по частоте следуют персонификация, природная, анималистическая, фототермическая и хроматическая метафоры. Наиболее частотными образами, лежащими в основе метафор, репрезентирующих концепт «Loneliness», являются: disease (болезнь), suffering (страдание), и enemy (враг).

Был проведен анализ средств репрезентации изучаемого концепта в английских пословицах и поговорках. Проведенный анализ показал, что английские пословицы и поговорки дают комплексную, двустороннюю оценку одиночеству, в них обнаруживается такое свойство, как противоречивость. Это представляется закономерным, так как, пословицы и поговорки как оценочные суждения народа часто противоречат друг другу.

Нами было выявлено и проанализировано 26 английских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «Loneliness». Все фразеологизмы по семантическим признакам были разделены нами на четыре группы: ФЕ, именующие действия, приводящие к одиночеству субъекта действия; ФЕ, именующие действия, приводящие к одиночеству объекта действия; ФЕ, именующие одинокого человека; ФЕ, описывающие состояние одинокого человека. Фразеологизация концепта «одиночество» происходит на основе метафорического и метонимического переноса.

В результате исследования средств репрезентации концепта в художественной литературе, а именно в романе Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» (общее количество примеров составляет 44 единицы), мы выявили, что здесь «Loneliness» имеет как положительную, так и отрицательную коннотацию. Одним из самых негативных факторов, сопровождающих одиночество, здесь называется отсутствие собеседников, также отмечаются такие отрицательные стороны одинокой жизни как небольшая работоспособность одной пары человеческих рук, отсутствие помощи в случае болезни и немощности, ощущение несвободы, заключения, в связи с вынужденным одиночеством. Но, как свидетельствуют примеры, одиночество имеет и положительные стороны: уединение представляется как средство избавления от грехов, удаленность от пороков и соблазнов общества очищает человеческую душу, делает человека более вдумчивым, помогает разобраться в себе, обращает человека к Богу. В целом одиночество предстает как состояние более предпочтительное, чем греховная жизнь в обществе.

В результате проведенного анализа англоязычных афоризмов было выявлено, что здесь преобладает положительная оценка одиночества, но разрыв между положительной (58 %) и отрицательной (42 %) оценкой незначителен, что характеризует подход афористов к одиночеству как к явлению неоднозначному и многогранному. Для создания образной характеристики одиночества авторы афоризмов используют различные типы метафор.

Литература

1. Макарова О.А. Метафора в британской и американской литературе XX века в свете когнитивной лингвистики: Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 169 с.
2. Подзолкова Н.В. Концепт "Одиночество" в немецкой и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2005. – 223 с.

Основные генетические связи английской деловой фразеологии (на материале фразеологизмов терминологического характера)

Решетникова Екатерина Викторовна

студентка

*Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Северодвинский филиал
bed@atnet.ru*

Для любой системы и подсистемы существенными являются свойства элементов. Выделения показателей устойчивости фразеологизмов, а также центра и периферии фразеологического фонда еще недостаточно для того, чтобы доказать системность фразеологии. Необходимо также учитывать многообразные связи элементов множества, образующих систему. Системность связей, как подчеркивает А.В. Кунин, проявляется в их регулярной воспроизводимости (Кунин, 1996). В подсистеме фразеологии бизнеса, равно как и во всей фразеологической системе, эти связи выступают как элементные, т.е. как связи отдельных фразеологизмов, так и как связи совокупностей, т.е. связи фразеосемантических групп и фразеологических микрополей. Целью данной работы является выявление и описание такой разновидности элементных связей деловой фразеологии, как генетических связей в системе современного английского языка.

Рассматривая генетические связи, отметим, что связи этого типа, наблюдаются в процессе фразеологической деривации, т.е. при образовании ФЕ от ФЕ. В связи с возникновением различных теорий, программ, явлений и операций в сфере деловых отношений появляются новые фразеологические единицы, свойственные лишь языку бизнеса. С другой стороны, нередко также и случаи перехода фразеологических единиц из общеразговорного (литературного) английского языка в деловой английский (Федуленкова, 2000). При этом они либо полностью сохраняют своё первоначальное значение, либо частично утрачивают его, либо приобретают собственный новый смысл (Федуленкова, 1998). В соответствии с характером развития семантики считаем возможным подразделение фразеологических оборотов делового английского языка на три группы: 1) ФЕ, полностью сохранившие первоначальное значение, 2) ФЕ, частично утратившие его, 3) ФЕ, приобретшие собственно новое значение.

Первая группа включает такие устойчивые выражения, как *to buy a pig in a poke* со значением "покупать что-либо заглазно, без предварительной проверки" (Аникин 1993, с.80) в разговорном обиходе и с тождественным значением в языке бизнеса; *to lean against the wind* с бытовым значением "дуть против ветра" и с тождественной семантикой в финансовой сфере, обозначающей один из принципов денежно-кредитной политики (Терехов 1994, с.221); *to make a go of it* с обиходным значением "добиться успеха, преуспеть" (Гальперин 1987, с.964), *to make a go of a business* с идентичным значением в деловой сфере "добиться успеха в бизнесе" (Seidl 1978, p.204) и другие.

Ко второй группе фразеологических единиц, частично изменивших первоначальное значение, можно отнести следующие устойчивые обороты: *by leaps and bounds* – фразеологическая единица, имеющая в общеразговорном английском языке значение "стремительно, сломя голову" (Гальперин 1987, с.914) и в деловом английском употребляющаяся в значении "скачкообразно (о повышении цен)" (Терехов 1994, с.221); *bread and butter* в общеразговорном английском языке – "средства к существованию" (Гальперин 1987, с.213) и в деловой сфере – "способ, которым человек зарабатывает себе на жизнь" (Adam 1993, p.66). Идиоматический оборот *to cut a melon*, который имеет в игорном бизнесе значение "распределять крупные выигрыши между игроками" (Гальперин 1987, с.922), в деловом английском языке приобретает, благодаря вторичному метафорическому переносу и частичной семантической трансформации компонентного состава, иное значение:

"распределять крупный дополнительный дивиденд, распределять дивиденд в форме бесплатных акций" (Терехов 1994, с.252).

Третья группа фразеологических единиц требует особого внимания при семантическом анализе в силу изменения первоначального значения и приобретения рассматриваемыми устойчивыми словосочетаниями смысла, отличного от того, который дают значения их компонентов. Так, фразеологизм *cats and dogs* используется для описания не только явлений природы: *it's raining cats and dogs* – дождь льет как из ведра, но и взаимоотношений между людьми: *[they have] cat-and-dog life* (Гальперин 1987, с.263) – [они] вечно ссорятся, [живут] как кошка с собакой. В языке экономики и финансов фразеологический оборот *cats and dogs*, сохраняя отрицательную коннотацию, означает "сомнительные ценные бумаги, не могущие служить обеспечением ссуды" (Терехов 1994, с.76). Фразеологическая единица *to catch a cold* в общеразговорном английском языке имеет значение "заболеть, простудиться" и описывает состояние организма человека. В языке бизнеса рассматриваемый фразеологизм, подвергаясь вторичной фразеологической номинации, приобретает значение "потерять деньги в деловой сделке", например: *The price of shares has fallen heavily today and many recent investors are likely to catch a cold.* (Tuck 2000, p.80).

Итак, на данном этапе исследования английской деловой фразеологии терминологического характера нам удалось выявить и описать три группы генетических связей ФЕ. Цель следующего этапа исследования – выявление и описание связей взаимодействия изучаемых фразеологических единиц.

Литература

1. Кунин А.В. (1996) Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр "Феникс".
2. Федуленкова Т.Н. (1998) Фразеологические единицы в языке экономики и бизнеса // Инновационные методы преподавания иностранных языков: Межвуз. сб. науч.-метод. трудов. Тюмень.
3. Федуленкова Т.Н. (2000) Фразеология деловой речи // Особенности изучения феномена культуры в системе социально-гуманитарных наук: Тезисы докладов межвузовской научно-практической конференции. Тюмень.

К вопросу о терминологических особенностях обозначения наименований животных во вторичной номинации

Солодкин Роман Яковлевич

аспирант, старший преподаватель

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет, Нижевартовск,
Россия*

tent3@yandex.ru

В последние десятилетия в зарубежной и отечественной лингвистике резко возрос интерес к когнитивному аспекту языка, его роли в формировании национально обусловленных стереотипов, отражающих языковые, культурные и психологические особенности народов. Пласт лексики, используемой для наименования представителей фауны во вторичной номинации, составляет важную часть языкового бытия различных этносов и представляется вполне иллюстративным с точки зрения репрезентации национальных языковых и ментальных стереотипов. Как элемент реальности, эта сторона языкового бытия нуждается в максимально точном наименовании. Среди терминологических вариантов, используемых в науке, можно отметить «зооним» (М.Н. Лапшина, Т.Д. Барышникова), «зооморфизм» (М.А. Грачев, М.Н. Лапшина, Г.Н. Скляревская), «зоометафора» (Т.Ю. Власкина, М.Н. Лапшина), «зооморфная метафора» (А.Г. Голодов), «метафора-анимализм» (И.Н. Махова, Л.Н. Лобунько). Некоторые исследователи используют перифразу «языковая метафора применительно к названиям представителей животного мира» (Корнилов, 2003), «обозначения животных для метафорических обозначений человека» (Скляревская, 2004) или же не выделяют особых терминов, используя обозначение «категории названий» (Болдырев, 2006). Такой терминологический разброс нуждается в некотором уточнении.

М.Н. Лапшина использует термин «зооним» для обозначения наименований животных в первичной номинации, которые «на протяжении веков служат богатым и интересным источником для появления зооморфизмов – метафорически мотивированных имён лица». «Зооморфизм» и «зоометафора» используется ей, видимо, в качестве синонимов (Лапшина, 1998).

В определении понятия «зооним» с М.Н. Лапшиной солидарна Т.Д. Барышникова, подразумевающая под этим понятием «конкретную терминологию» или «конкретную терминосистему» как противопоставленную абстрактной (Барышникова, 1997), впрочем, не рассматривая данную семантическую категорию во вторичной номинации.

Другие авторы не уделяют специального внимания этому вопросу, хотя нам представляется необходимым внести в этот аспект терминологическую ясность. Термин «зооним» кажется наиболее удачным для обозначения терминологической группы «представители фауны» в первичной номинации, но никто из исследователей до сих пор не использовал его для обозначения результата метафорического переноса. Мы разделяем мнение, что этот термин подходит исключительно для денотативных функций, поскольку в переводе с греческого обозначает «наименование животного». Его полным аналогом нам видится термин «зоосемизм» (в пер. «содержащий в себе наименование животного»), к употреблению которого во вторичной (коннотативно-метафорической) номинации оснований мы не видим.

Термин «зооморфизм» (в пер. «представление божеств в виде животных» или же «использование животных как символов в искусстве, литературе и т. д.») содержит лишь имплицитное указание на метафорическую сущность и может восприниматься как способ обозначения некоего зачастую сильно индивидуализированного автором и, соответственно, субъективного, символа. Тем не менее этот термин наиболее популярен у авторов, обращающихся к данной тематике. Результат метафорического переноса не является его единственным референтом, вследствие чего возможна некоторая двусмысленность.

Термин «зооморфная метафора» («зоометафора») является в нашем понимании вполне удачным по двум причинам. Во-первых, его референтом является непосредственно и только метафорический продукт переноса, чего нельзя сказать про термин «зооморфизм», могущий

обозначать что угодно, представленное в фаунической форме, и, во-вторых, обозначена специфическая особенность этого метафорического продукта – зооним во вторичной номинации.

Термин И.Н. Маховой и Л.Н. Лобуныко «метафора-анимализм» вполне точен: недвусмысленно обозначая собственно результат метафорического переноса, он подчеркивает лексико-семантическую сферу, к которой данная метафора принадлежит.

Итак, группа слов, обозначающих представителей фауны во вторичной номинации, имеет в современной лингвистике ряд терминологических вариантов. Не все из них бесспорны. В нашем представлении, для употребления во вторичной номинации совершенно не подходят термины «зооним» и «зоосемизм», имеющие исключительно денотативные функции. Термин «зооморфизм» также следует признать не вполне удачным: при его внеконтекстуальном использовании возможна определенная двусмысленность, чего терминологический пласт языка не допускает по определению. Наиболее адекватными с коммуникативной и терминологической точек зрения следует признать варианты «зооморфная метафора» («зоометафора») или же «метафора-анимализм» (как вариант – «анималистическая метафора»). Впрочем, столь же уместным нам представляется обозначение этой лексико-семантической группы как «фауническая метафора» (В.А. Фролова). Следовательно, можно говорить о полной синонимичности терминологических вариантов «зооморфная метафора», «зоометафора», «метафора-анимализм», «анималистическая метафора», «фауническая метафора», оставляя выбор термина за авторами научных исследований.

Литература

1. Барышникова Т.Д. (1997) Структурно-семантические свойства ботанической терминологии (на материале английского языка)//Вопросы романо-германской и русской филологии (Вып. I. Грамматика. Лексикология)/Межвузовский сборник научных трудов/Пятигорский государственный лингвистический университет/Изд-во ПГЛУ. Пятигорск, 1997. С. 28 – 33.

2. Болдырев Н.Н. (2006) Языковые категории как формат знания//Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (008). С. 5 – 22.

3. Власкина Т.Ю. (2005) Зоометафоры в русских донских говорах//Филологический вестник Ростовского гос. ун-та. 2005. № 1. С. 41 – 47.

4. Голодов А.Г. (2005) Зооморфные метафоры в разговорно окрашенной специальной лексике и проблемы их перевода: на материале разговорного варианта немецкого языка футбола//Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 116 – 122.

5. Грачев М.А. (1998) К вопросу о функционировании зоо- и фитоморфизмов в русском арго//Вестник СПб. ун-та. Сер. 2. Вып. 2 (№9). 1998. С. 42 – 46.

6. Корнилов О.А. (2003) Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003.

7. Лапшина М.Н. (1998) Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). – СПб., 1998.

8. Махова И.Н., Лобуныко Л.Н. (1998) Некоторые методические аспекты практики перевода метафор-анимализмов//Вопросы романо-германской и русской филологии. (Ч. 2. Лингвистика текста. Лексикология. Типология). Межвузовский сборник научных трудов. Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 1998. С. 232 – 241.

9. Складаревская Г.Н. (2004) Метафора в системе языка. СПб., 2004.

10. Фролова В.А. (2004) Фаунические глаголы современного немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук/Нижегородский гос. лингв. ун-т. Н. Новгород, 2004.

Актуальные проблемы употребления вторичных географических названий русского и польского языка

Сухарева Инна Вячеславовна

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: inna.sukhareva@gmail.com

Темой исследования является анализ перифрастических, то есть вторичных названий городов. В центре анализа находятся такие вторичные названия городов, которые берут свое начало от названий рек и морей, на которых расположены эти города. Данный анализ проводится на материале двух языков – польского и русского – и носит сопоставительный характер.

Термином перифрастическое наименование, или перифраза, обозначаются такие языковые формации, которые не являются исходными, а всегда обращены к какому-либо первичному наименованию. С помощью перифраз описываются характерные признаки и подчеркиваются особенности исходного выражения.

Перифразы характерны, прежде всего, для публицистики, для сфер, которые обращены к эмоциям, к миру чувств человека. С целью проникновения в мир чувств человека и воздействия на его эмоции и возникают перифрастические географические названия.

В докладе дается история изучения перифраз российскими и польскими учеными (Bańko 2002a, Bańko 2002b, Кульпина 1997, Новиков 2004). Доклад строится на материалах русских и польских словарей перифраз и примерах из современных русских и польских текстов СМИ.

Материалом для анализа перифрастических топонимов русского и польского языков послужили вторичные названия городов. Основное внимание уделено таким вторичным названиям городов, которые строятся на лексемах *город*, *столица* и названиях рек, озер, морей и других водных потоков и резервуаров.

В русском языке в состав такого перифрастического топонима обычно входит слово *город*, *столица* и название реки или моря, послужившие образованию вторичного перифрастического топонима. Ср.: город на Москве-реке (о Москве), город на Неве (о Санкт-Петербурге), городок на Сене (о Париже).

Для польского языка характерны специфические конструкции перифрастических названий городов, в которых с существительными *gród* 'град', *miasto* 'город' выступает предлог *nad* 'над'. Ср.: *nad Sekwaną* (букв. 'над Сеной'), то есть на реке Сене (в Париже), *miasto nad Newą* (букв. 'город над Невой'), то есть в Санкт-Петербурге.

В русском и польском языках в перифрастическую формулу имени наряду с гидронимами могут входить такие составные компоненты, как *жемчужина* – польс. *perła*, *королева* – польс. *królowa*, указывающие на необычайную красоту города. Ср.: *perła Bałtyku* 'жемчужина Балтики' (о польском городе-курорте Сопоте), *królowa Adryatyku* 'королева Адриатического моря' (о Венеции).

Таким образом, вторичные перифрастические названия городов предстают через призму своей локализации на реках, морях, других водных потоках и резервуарах; и такая локализация становится средоточием вторичного названия города.

Проведенный анализ на материале двух родственных языков показывает, что существуют схожие модели образования вторичных названий городов. Эти вторичные географические названия имеют общую родословную в смысле локализации городов на реках, морях и других водных потоках и резервуарах. Ср.: город на Неве и *miasto nad Newą* 'город на Неве'.

В состав рассматриваемых перифрастических топонимов входят слова типа *miasto* - город, *stolica* - столица, *gród* - град и название реки, выступающие в русском языке с предлогом *на* (в предложном падеже), а в польском языке с предлогом *nad* 'над' (в творительном падеже).

Конструкции с предлогами, на которых базируются русские и польские перифрастические топонимы, широко участвуют в образовании прилагательных, например, *nadwiślański gród* (букв. надвисленский) 'привисленский град' (о Варшаве), *nadbałtycki region* (букв. надбалтийский) 'прибалтийский регион', *nadodrzański gród* (букв. надодренский град (от реки Одра)) о нескольких польских городах, таких, как Ополе, Щецин (*Szczecin*), Вроцлав. Эти прилагательные становятся, в свою очередь, базой для формирования перифраз.

Вторичные перифрастические топонимы выполняют характеризующую и рекламную функции, акцентируя какую-либо особенность города. Так, употребление в формуле имени слова *столица* подчеркивает особую центральную роль и предопределяет его привлекательность в краеведческо-туристическом, экономико-хозяйственном и др. планах, а такие слова, как *невеста*, *жемчужина*, *королева* указывают на их необычайную красоту и уникальность.

Литература

1. Кульпина В.Г. (1997) Перифрастические онимы и проблемы их межъязыковой эквивалентности // В сб.: Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках / Под ред. С. Сятковского и Т. С. Тихомировой. М.: Диалог - МГУ
2. Новиков А.Б. (2004) Словарь перифраз русского языка. На материале газетной публицистики. М.: Русский язык.
3. Bańko M. (2002a) *Słownik peryfraz czyli wyrażeń omownych*. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN.
4. Bańko M. (2002b) *Peryfrazy w naszym życiu* // *Poradnik językowy*. Warszawa. Nr 9. s. 3-23.

Глаголы обучения. Семантический анализ.

Угрюмова Элина Николаевна

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: u_eleena_n@mail.ru

В данном докладе на примере отдельной группы глагольных единиц я бы хотела, осветить следующие актуальные проблемы современной лингвистики: влияние лексического значения на грамматическую форму, характер представления лексического значения в лексикографических источниках.

В работе рассматриваются английские глаголы с общим значением обучения: *teach, instruct, direct, guide, inform, improve, convince, train, educate, qualify*. Выбор данных языковых единиц в качестве объекта изучения обусловлен тем фактом, что они наиболее полно отражают системность семантических отношений, присутствующих в лексико-семантической группе английских глаголов обучения.

Предмет данной работы составляет семантическая структура глаголов обучения, набор признаков, определяющих тип предиката, компоненты, образующие семантическую роль субъекта и объекта глаголов данной синонимической группы, а также механизмы, влияющие на употребление грамматических форм глагола.

Актуальность исследования определяется тем фактом, что анализ авторитетных западных и отечественных лексикографических источников (WNWCD, WDS, CCELD, LDELIC, BBCED, OALDCE, MEDAL, MWDS, EDEL, БАРС, АРСС), а именно словарных статей глаголов обучения, показал отсутствие в них информации, позволяющей дифференцировать оттеночные значения и область номинации каждой из изучаемых лексем. Синонимичные глаголы зачастую получают весьма сходные дефиниции, не отражающие всех особенностей значения и условий их употребления. Одна лексическая единица может часто трактоваться через другую, либо путем перечисления синонимов, например:

teach 1. if you teach someone something you give them instructions so that they know about it or how to do it. (BBCED)

2. to give training or lessons in a particular subject... (LDELIC)

instruct 1. to communicate knowledge to; teach; educate (WNWCD)

2. someone who instructs people in a subject or skill teaches them about it by giving factual information... (CCELD)

train 1. to instruct so as to make proficient or qualified (WNWCD)

2. give teaching and practice to (a child, a soldier, an animal) in order to bring to a desired standard of behaviour, efficiency or physical condition (OALDCE)

educate 1. to train or develop the knowledge, skill, mind by formal schooling (WNWCD)

2. to teach or train through formal instruction at school or college... (LDELС)

qualify 1. when someone qualifies, they successfully complete a course of training... (CCELD)

2. equip somebody by training (MEDAL)

Как видно из приведенных дефиниций, глагол *instruct* определяется через *teach*; *train* через *instruct*, *teach* и *qualify*. В свою очередь, *educate* определяется через *train* и *teach*, а глагол *qualify* описывается при помощи *train* и т.д.

Выдающийся зарубежный лингвист Ч. Филлмор, говоря о способах представления семантической информации в лексикографических источниках, считает ошибочным "вводить в словарь максимальное количество перекрестных ссылок, т.е. использовать в толкованиях одних лексем другие лексемы естественного языка, уже истолкованные в данном словаре". Очевидным недостатком такого метода, по мнению ученого, является то, что он "вынуждает нас принимать произвольные решения". "В языке существует много групп пересекающихся по смыслу слов, таких, что одну лексему можно с равным основанием использовать при толковании значения другой, являющейся членом данной группы" [Филлмор 1983: 32]. Поэтому для трактовки значения каждого из синонимичных глаголов обучения необходимо установить семантические признаки, обуславливающие появление самостоятельной лексической единицы для номинации того или иного действия, процесса или состояния.

Принцип минимального толкования, предложенный Э. Бендиксом и являющийся ключевым понятием лексической семантики, предполагает "при описании каждой лексической единицы выделение только тех признаков, которые отличают её от всех остальных единиц данного языка, близких к ней по значению" [Bendix 1966: 74].

Однако словарь по определению является лексикографическим источником и не позволяет в полной мере отражать информацию о семантической структуре отдельной лексической единицы. В связи с этим для установления области номинации каждого глагола той или иной синонимичной группы необходим глубокий системный анализ его семантической структуры. На современном этапе исследователи, работающие в области лингвистической семантики, сосредоточивают внимание на выявлении особенностей семантической структуры конкретных групп лексических единиц. Полученные таким образом данные позволяют выделять универсальные элементарные понятия для трактовки значения глагольной лексики. Цель исследования заключается в построении семантической модели английских глаголов обучения, которая предусматривает их классификацию по семантическим типам предикатов. При этом выявляются дифференциальные компоненты значения каждой из исследуемых лексических единиц, позволяющие уточнить область и условия их употребления.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что: а) позволяет глубже понять специфику категории вида глагола в современном английском языке; б) выявленные компоненты, составляющие структуру семантических ролей предикатов глаголов обучения могут быть использованы при толковании глагольных единиц языков различного строя.

Практическая ценность работы заключается в том, что: а) установленные параметры ситуации, требующие употребления той или иной лексической единицы, позволили уточнить область номинации каждой из изучаемых глагольных единиц и могут быть использованы в лексикографической практике, а именно - при формулировании словарных дефиниций глаголов *teach*, *instruct*, *direct*, *guide*, *inform*, *improve*, *convince*, *train* *educate* и *qualify* в толковых словарях различного типа; б)

теоретический материал, полученный в ходе исследования, может применяться в процессе преподавания практической и теоретической грамматики английского языка, лексикологии, фразеологии, семантики и других теоретических курсов в вузе, а также в ходе работы над курсовыми и дипломными работами по раскрытию особенностей значения английской глагольной лексики.

Проведенное исследование позволило установить обозначенные характеристики и определить область номинации каждой из исследуемых лексических единиц, служащих объектом рассмотрения. Исследовав семантические структуры глаголов обучения *teach, instruct, direct, guide, inform, improve, convince, train, educate, qualify*, удалось получить следующие результаты:

а) были выявлены признаки, определяющие принадлежность исследуемых единиц к одной лексико-семантической группе, а именно — к глаголам обучения;

б) установлен набор дифференциальных признаков, ограничивающих область номинации каждого из глаголов в отдельности;

в) обозначены такие признаки в структуре субъекта, как "приложение информационной силы" и "контроль приложения силы", а также "качественное изменение" в составе семантической роли объекта, на которые опирается семантика "обучения" в английском языке.

Полученная информация может быть использована при формулировании словарных дефиниций глаголов обучения в толковых словарях различного рода.

Литература

1. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. XIV: проблемы и методы лексикографии.
2. Bendix E.H. Componental Analysis of General Vocabulary: The Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese. – Bloomington: Indiana University Press, 1966.
3. BBCED - BBC English Dictionary / by John Sinclair. - London: BBC English and Harper Collins Publishers Ltd., 1992.
4. LDELС - Longman Dictionary of English Language and Culture. / by Delia Summers. - London: Longman Group UK Limited, 1992.
5. WNWCD - Webster's New World College Dictionary. Forth Edition. / by Michael Agnes. IDG Books Worldwide, Inc., 2001.
6. CCELD - Collins Cobuild English Language Dictionary / by William Collins Sons & Co Ltd. - London, 1990.
7. OALDCE - Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / by Hornby. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1988.
8. MEDAL- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Edition. / by Micheal Rundell. Bloomsbury Publishing Plc, 2002.

Английские поливариантные фразеологизмы с глаголом *make*

Шишова Людмила Валентиновна¹

студентка

Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Северодвинский филиал
glare@atnet.ru

Поливариантными (см. также: (Шихова, 2005, с. 141) считаем такие фразеологизмы, тот или иной компонент которых имеет три и более вариантов: *make/ go/ take/ wend one's way* – идти, направляться, направлять свой путь, держать путь, отправляться, *make/ earn/ turn an earnest penny* – зарабатывать честным трудом, *make a living with one's pen / drive a pen for living / live by one's pen* – зарабатывать на жизнь литературным путем и др.

Теоретической базой нашей работы послужила фразеологическая концепция проф. А.В. Кунина (Кунин, 1970, с. 37). Применяя предложенный лингвистом метод фразеологической идентификации (Кунин, 1996, с. 38), определяем цель данного исследования и его сопутствующие задачи: а) изучение особенностей структуры фразеологических единиц (ФЕ) с ведущим компонентом *make*, б) определение границ вариантности фразеологизмов с ведущим компонентом *make*, в) уточнение номенклатуры избранных фразеологических единиц с точки зрения их поливариантности. Причиной выбора ФЕ с компонентом *make* для структурного анализа является распространенность данного глагола созидания в английской фразеологии: только словарь А.В. Кунина (Кунин, 1984, с. 899-900) насчитывает более трех сотен фразеологических единиц с данным компонентом. Кроме того, без изучения "строения фразеологизмов нельзя изучать их свойства" (Кунин 1996, с. 105).

Во фразеологической парадигме современного английского языка большой удельный вес среди поливариантных ФЕ имеют фразеологизмы с тремя вариантами: *make/ kick up/ raise a racket* – буянить, поднять шум, скандалить, *make fun/ sport/ game of somebody* – высмеивать кого-л., насмеяться, потешаться, подшучивать над кем-л., поднять кого-л. на смех, *make/ raise/ kick up a big stink about something* – разг.-фам. устроить бучу, поднять дикий скандал, *make/ cry/ play havoc with something* – разрушать, производить беспорядок, опустошение; сорвать что-л., нанести тяжелый удар, *make/ follow/ take a bee-line* – пойти напрямик, кратчайшим путем, прямо и др.

Квантитативный анализ (Федуленкова, 2006, с. 11-12) показывает, что поливариантные фразеологизмы с четырьмя вариантами менее распространены в современном английском языке: *make a time of it/ have a fine/ good/ high old time* – хорошо провести время, повеселиться, *make up/ play up/ shine up/ suck up to someone* – постараться завоевать чью-л. благосклонность.

Поливариантные фразеологические единицы с пятью вариантами также занимают свое место в парадигме вторичной номинации (Федуленкова, 2006) рассматриваемой парадигмы: *make somebody's mind easy / make somebody easy in his mind / put somebody's mind at ease / put somebody's mind at rest / set somebody's mind at rest* – успокаивать кого-л., рассеивать чьи-л. опасения, *make/ do/ go/ take/ walk one's rounds* – совершать обход, посещать, например:

Вар. 1: "**He is making his round** now,' the sister said." (J. Jones, "Some Came Running"). – "Доктор сейчас совершает обход," – сказала сестра.

Вар. 2: "*Whenever we go to the place my wife was born, we always have **to do the rounds** of her relatives.*" (L. Urdang, "Longman Dictionary of English Idioms"). – "Когда бы мы не приезжали в то местечко, где родилась моя жена, мы всегда должны были обойти всех ее родственников."

Вар. 3: "*It was visiting time when Wemmick took me in; and a potman was **going his rounds** with beer...*" (Ch. Dickens, "Great Expectations"). – Мы с Веммиком попали как раз во время свиданий; разносчик с пивом обходил тюремный двор...

¹ Автор выражает признательность профессору д.ф.н. Федуленковой Т.Н. за помощь в подготовке тезисов.

Var. 4: "*He was never tired of taking his rounds every other day.*" (OED). – Он никогда не уставал делать обходы через день.

Var. 5: "*Walking your morning rounds, eh?*" (OED). – Совершаешь свой утренний обход?

По сравнению с глагольными субстантивные компоненты в изучаемых ФЕ варьируются гораздо реже, что свидетельствует о более высокой степени устойчивости фразеологических единиц, строительными элементами которых они являются. Субстантивная вариантность данных ФЕ может быть проиллюстрирована следующими примерами: *make fun/ mock/ sport of somebody/ something* – высмеивать кого-л., *make the best of a bad bargain/ business/ job* – мужественно, безропотно переносить несчастья, не унывать, не падать духом, с честью выйти из затруднительного положения, *make a hash/ a mess/ a muddle of something* – напутать, перепутать что-л., внести путаницу во что-л., устроить беспорядок, например:

Var. 1: "*...you've made such a hash of that painting, haven't you, Michael?*" (L. Urdang, "Longman Dictionary of English Idioms"). – ...ты такой беспорядок устроил с этой покраской, Майкл, а?

Var. 2: "*I hate the idea of Larry making such a mess of his life.*" (W.S. Maugham, "The Razor's Edge"). – Ужасно и подумать, что Ларри сам портит себе жизнь.

Var. 3: "*He spent some time in the army but made a muddle of his chances of becoming an officer by arguing with the captain.*" (L. Urdang, "Longman Dictionary of English Idioms"). – Он служил некоторое время в армии, но потерял все шансы стать офицером, поспорив с капитаном.

Нередко варьирование субстантивного компонента фразеологизма сопровождается его предложной вариативностью: *make a monkey/ a fool/ an ass of/ out of somebody* – одурачить, поставить кого-л. в глупое, дурацкое положение, посмеяться над кем-л., *make/ have two bites at (of) a cherry* – прилагать излишние старания, проявлять чрезмерное рвение, усердие и др.

Изучение проблемы вариантности английских фразеологизмов с компонентом *make* показывает, что значительная часть изучаемых ФЕ поливариантна, характеризуется константно-вариантной и константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов и, как следствие, принадлежит к нижнему порогу устойчивости в изучаемой фразеологической парадигме.

Литература

1. Кунин А.В. (1970) Английская фразеология (теоретический курс). М.: Наука. – 344 с.
2. Кунин А.В. (1984) Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д.Литвинова. М.: Рус. яз. – 942 с.
3. Кунин А.В. (1996) Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр "Феникс". – 381 с.
4. Федуленкова Т.Н. (2000) Английская фразеология: Курс лекций. Архангельск: Мин. образ. РФ, Поморский гос. ун-т. – 132 с.
5. Федуленкова Т.Н. (2006) Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии: На материале английского, немецкого и шведского языков: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Северодвинск. – 34 с.
6. Шихова Т.М. (2005) Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах: Учебное пособие. Архангельск: Поморский университет. – 219 с.

Словообразовательные построения с первым буквенным элементом в современном английском языке

Юакит Жанна Владимировна

студентка

Черноморский филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, историко-филологический факультет, Севастополь, Украина

E-mail: jannay1@rambler.ru

Введение

Развитие языка в значительной степени обусловлено развитием его словообразовательной системы. Одним из продуктивных способов словообразования является способ аббревиации, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами синонимичных им номинаций.

Этот способ присущ в той или иной мере всем языкам мира, и причины, которые вызывают его развитие, следует искать не в особенностях национального языка или национального мышления, а в общих законах развития человеческого общества, организации человеческой памяти и восприятия (Кочарян, 2007, С. 38).

Если говорить о типах аббревиатур, то в разных языках они совпадают лишь частично, и в том или ином языке может преобладать определённый тип, характерный для данного языка (ЛЭС, 2002).

В настоящее время в английском языке появились новые продуктивные модели словообразования. Одна из таких моделей, специфически присущая английскому языку, может быть описана в связи с инициальными аббревиатурами, так как первый элемент представляет собой букву, а второй – целое слово (A-bomb, V-day, Z-hour, A-road, Z-bar).

Упорядочение и систематизация английских сокращений являются ключевыми вопросами в современном словообразовании, что обусловлено значимостью английского языка в информационном обмене на международном уровне и статусом английского языка как языка межнационального общения (Искина, 2007, С. 4).

В настоящей работе предпринимается попытка классифицировать словообразовательные построения, образованные по указанной модели, а также выявить их особенности и функции.

Классификация

К первой группе относятся полусокращения, где есть соответствие буквенного элемента полной форме какого-либо слова: A-bag (assault bag), A-bomb (atomic bomb), E-mail (electronic mail), E-commerce (electronic commerce), H-bomb (hydrogen bomb), N-pollution (nuclear pollution), R-wire (ring wire), T-radio (train radio), U-pronunciation (upper-class pronunciation), V-ball (volleyball), V-day (victory day), Z-hour (zero-hour) и др.

Во вторую группу входят слова, буквенному элементу которых не соответствует никакая реальная полная форма: A-one, A-road, A-share, B-road, B-share, C-share и т. п. Эта буква является элементом, который в силу своего расположения в алфавите несёт на себе значение соответствующей цифры: А – 1, В – 2 и т. д. Таким образом, в первом буквенном элементе наблюдаем значение градации, обозначение уровня.

Словообразовательные построения, относящиеся к третьей группе, своим содержанием обнаруживают достаточно интересные аспекты значений, которые могут быть выделены в буквенном элементе. Первый член словообразовательных построений, входящих в эту группу, расшифровке в плане наличия реального соответствия в виде полного слова не поддаётся, не является он также и заменителем какого-либо соответствующего цифрового элемента. Основанием употребления буквенного элемента здесь будет отражение сходства буквы-означающего по форме с означаемым. Буква выступает в нетипичной для неё роли, т.к. отражает внешние свойства называемого объекта. Это такие слова, как A-frame, S-bend, T-bone, T-junction, T-square, U-turn, V-neck, Z-bar и т.п. Буквенный элемент становится своеобразным знаком в таких словах.

Подобные словообразовательные построения обнаруживают сходство с символами, что подтверждается и широким распространением слова X-mas, первая часть которого не что иное, как замена имени Christ символом креста (Елисеева, 2003, С. 38).

Рассматриваемые конструкты могут быть неоднозначно расшифрованы. Например, в слове T-shirt можно обратить внимание на сходство формы рубашки с буквой T и отсюда вести происхождение первого буквенного элемента, но существует и иная версия: T как сокращение от «training».

Словообразовательные построения могут приобретать дополнительное, переносное значение. U-turn – 1 a turn of 180° that a vehicle makes so that it can move forwards in the opposite direction 2 (*informal*) a complete change in policy or behaviour, usually one that is embarrassing (OALD, 2000).

Функции

Рассматриваемые словообразовательные построения различаются не только своим содержанием, но и функциями.

Аббревиация представляет собой рационализацию использования в коммуникативных целях материальных элементов языка, что объясняется не только «экономией усилий», но и конденсированием информации в коммуникативных целях (Кочарян, 2007, С. 31).

Функция исследуемых словообразовательных построений заключается в обеспечении передачи максимального количества информации при минимальном использовании материальной оболочки языка, то есть в повышении эффективности коммуникативной функции языка.

Вторая функция рассматриваемых слов - обеспечение наглядности. Это такие слова, как A-frame, S-bend, T-bone и подобные. Они вызывают в представлении некий образ, демонстрируя свойства денотата.

Ещё одна функция, которую могут выполнять некоторые полусокращённые словосочетания – это функция эвфемизма. Пример эвфемизма среди полусокращённых словосочетаний – F-word. Само слово, по сути, не заменяется, а лишь сокращается до начальной буквы, делая всё выражение завуалированным по своей форме, но ясным по смыслу.

Существуют, однако, и негативные стороны в процессе активного использования рассматриваемых словообразовательных построений, поскольку они могут затруднять процесс коммуникации, когда адресат не успевает или не может уловить смысл сообщения, оказывается не в состоянии декодировать его. Максимум информации при минимальной материальной оболочке требует максимум внимания, а также определённой подготовки.

Таким образом, рассматриваемые словообразовательные построения могут выполнять различные функции. Они вносят в речь разнообразие, делают её более наглядной, а также позволяют сузить пространственно-временные рамки коммуникации, которая становится максимально информативной.

Литература

1. Елисеева В.В. Лексикология английского языка. СПб: СПбГУ, 2003.
2. Искина Т.И. Прагмалингвистический анализ английских сокращений в лексикографическом и учебном деловом дискурсах. АКД. Самара, 2007.
3. Кочарян Ю.Г. (2007) Аббревиация как лингвистический феномен (на примере английской военной лексики) // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 3.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
5. The Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2000.

О когнитивной модели фразеологизмов с трудовой мотивацией

Юсупова Седа Мусаевна

Магистрант

Пятигорский государственный лингвистический университет, г. Пятигорск, Россия

E-mail: mase2003@mail.ru

Предметом нашего исследования является «трудовая мотивация» в фразеологических единицах (ФЕ) английского, немецкого, русского и чеченского языков. Изучаемое понятие занимает особое место в концептосфере данных народов, отражает их национальную культуру, менталитет.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе семантических описаний ФЕ, репрезентирующих концепт «труд», понятие «трудовая мотивация», построить их когнитивную модель, провести когнитивный сопоставительный анализ ФЕ, входящих в эту модель.

Ядром «трудовой мотивации» в английском языке выступает лексема «work, labour», в русском «труд», в немецком «Arbeit», в чеченском «кӀинхъегам, болх». Наиболее объективно семантика данных лексем отражается в толковых словарях. Первоначально слово «труд» имело значение «тяжелая ноша, печаль, досада», которое впоследствии расширилось [3]. Так, «work» имеет следующие семемы: effort (усилие), employment (занятие, работа), business (дело), manual labour (физический труд), action (действие), craft (ремесло), performance (исполнение, выполнение) [1].

В русском языке «труд» - 1) деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей; 2) работа, занятие; 3) усилие, направленное на достижение чего-л.; 4) результаты деятельности (произведение); 5) привитие умений навыков какой-нибудь профессиональной, хозяйственной деятельности [2].

Рассмотрим некоторые ФЕ с «трудовой мотивацией» в микрополе «труд».

Англ. *put one's hand to the plough, put one's shoulder to the wheel.*

Нем. *die Hand an den Pflug legen, tüchtig Hand ans Werk legen.*

Русск. *засучив рукава, взяться за дело.*

Чеч. *куьгаш хьалдина* (букв. руки подняв), *гӀуллакх новкъа дала* (букв. дело в ход пустить).

В данных ФЕ происходит пересечение когнитивных уровней, частичное совпадение внутренней формы и значения. Значение создается за счет эксплицитно выраженных во внутренней форме компонентов, таких как англ. «hand, plough, shoulder, wheel», русск. «рукава, дело», нем. «Hand, Werk, Pflug», чеч. «куьгаш, гуллакх» - «начать работу, энергично взяться за дело»

Данные лексеммы оказывают влияние на семантическую структуру ФЕ, делая их образно-мотивированными.

Результаты исследования показали, что труд и его компоненты образуют трудовую мотивацию. Согласно анализу ФЕ в английском, немецком, русском и чеченском языках, «трудовая мотивация» имеет следующую структуру: *мотив – действие – результат.*

Общим мотивом деятельности для английской, немецкой, русской и чеченской культур является благополучие, благосостояние, необходимость или желательность вложения капитала (денег) в какое-либо дело для получения прибыли, соблазн беззаботной жизни, который проявляется в бездельи, в праздном образе жизни, следствием чего зачастую становится бедность.

Специфичными компонентами «трудовой мотивации» в английских, немецких и русских фразеологизмах выступают единицы, описывающие сделки, банкротство, долги, кредит. Характерной особенностью немецких ФЕ является когнитема «бережливость, экономность», английских – «капитал, торговля», чеченских – «материальный успех». Таким образом, изучение когнитивных уровней позволяет выявить знания о мире через призму разных культур, различия и сходства в отношении к материальным и духовным ценностям.

Литература

1. *Collins English Dictionary*. – Collins London and Glasgow, 1972, P.1192.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: 1994. – 928с.
3. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: 2001. – С.266.

О статусе неологизма в лексической системе английского языка

Янина Полина Юрьевна¹

аспирант

Столичная финансово-гуманитарная академия, Москва, Россия

E-mail: polyna_yanina@mail.ru

Развитие языка обусловлено в значительной степени развитием его словообразовательной системы, становлением новых словообразовательных моделей, изменением существующих, увеличением или уменьшением их продуктивности и многими другими факторами словообразовательного процесса. Создание новых слов осуществляется, прежде всего, как отражение в языке потребностей общества в выражении новых понятий, постоянно возникающих в результате развития науки, техники, культуры, общественных отношений и т.д. Огромный приток новых слов и необходимость их описания обусловили создание особой отрасли лексикологии – неологии – науки о неологизмах. Установлено, что такие функционально-стилистические разновидности современного английского языка, как стиль и язык средств массовой коммуникации (пресса, телевидение, радио), являются в силу ряда социолингвистических причин основными «поставщиками» новой лексики в современном английском языке. Наиболее актуальным направлением исследования в неологии признают проблему отнесения новообразования к неологизму, как долго слово должно употребляться в языке, чтобы считаться неологизмом и попасть в словарь. Проблемы неологии получили достаточно широкое освещение в отечественной лингвистике. Процессы словообразования, создания лексикографических источников изучались в работах таких авторов, как Р.А.Будагов, В.И.Заботкина, Е.С.Кубрякова, П.М.Каращук.

В современном языке новые слова образуются или средствами самого языка, или с помощью заимствований (в результате международных контактов). В первом случае слова образуются, как правило, или из уже существующих в языке морфем, или посредством переосмысления старых слов. Во втором случае заимствованные слова перерабатываются в языковой системе языка.

Следует также отметить, что лингвисты предлагают разные классификации неологизмов в зависимости от своего подхода к определению нового слова. В.И. Заботкина в своей работе «Новая лексика современного английского языка» представляет подробную классификацию неологизмов, предложенную Луи Гилбертом.

Лексическая система любого языка динамична, постоянно совершенствуется, в связи с чем в языке протекают и процессы устаревания лексем, утраты отдельных значений, исчезновения одних лексических единиц из активного запаса языка, и замена их другими, что отражает общую тенденцию его развития.

Литература

1. Будагов Р. А. Новые слова и значения // Человек и его язык. М.: МГУ, 1976, С. 275 – 283.
2. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М., 1989, 126 с.
3. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986, 215 с.
4. Каращук П. М. Словообразование английского языка. М., 1977, 314 с.